

УДК 342

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ И ГОСУДАРСТВА
В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ: НА ПРИМЕРЕ МЕССЕНДЖЕРА TELEGRAM****С.С. ОЛЕСЬКО***(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)*

Интересы личности и государства рассматриваются сквозь призму такого базового понятия как «конституционно-правовой баланс интересов». На фоне показательного примера с мессенджером Telegram автор пытается проиллюстрировать то, насколько зачастую парадоксально нетипичные ситуации возникают в плоскости столкновения интересов личности и государства, как они разрешаются на практике.

На современном этапе развития юридической науки и практики весьма незначительное внимание, уделяемое учёными-юристами, было посвящено вопросам ограничения интересов личности. Поскольку в научной сфере на просторах Беларуси имеет место заметный дефицит комплексных знаний по этой теме, весьма уместным будет проведение настоящего исследования.

Основу ограничения интересов (прав-свобод) личности заложила именно Конституция, что вполне справедливо, ведь, отличаясь «от других нормативных актов, Конституция является Основным Законом» [1, с. 62]. Его структурная составляющая далеко неслучайна. Весьма интересно, что раздел II поименован как «личность, общество, государство». Но ведь последовательность указанных слов совсем не хаотична. Сначала личность, и только потом уже государство – так провозгласила Конституция, чем и поставила во главу угла приоритет интересов личности над интересами государства. Так почему же тогда современная практика показывает совершенно иную, абсолютно противоположную по смыслу картину, а соблюдение рассматриваемого приоритета – скорее идеализированное исключение, нежели реалистичное правило? В этой связи, правдиво сущность такого утверждения раскрыта в строчках следующего произведения: и так должно быть, // но нет на самом деле – // предписано веками перемен: // всё то, чего мы так давно хотели, // уж не настигло стольких поколений смен. Думается, что и последующие поколения, к величайшему их сожалению, в аналогичной эпопее могут встретить свой век.

Довольно символично, что Преамбула расположена именно в начале Конституции. Тем самым она предредила в себе всё то, что так стремился донести до нас народ при её принятии. Ведь неспроста народ прошлого поколения указал в ней о своём стремлении утвердить права и свободы каждого гражданина и возложил обязанность по исполнению этой задачи на государство. Неслучайно государство ответственно перед гражданином за создание условий, способствующих свободному, достойному развитию личности, а тот, в свою очередь – перед государством за беспрекословное исполнение Конституции, её законов. Но как государство, так и каждый его отдельный гражданин должны всегда следовать указанному **условию** и соблюдать ту двустороннюю договорённость. Да, государство обязано создать соответствующие условия для гражданина, но лишь только в том случае, если он ответственно следовал закону. В свою же очередь, оно должно рассчитывать на исполнение гражданином своих конституционных обязанностей только при условии, что им было всё для того сделано. Указанное выше условие необходимо расценивать в качестве правила ограничения интересов личности и государства.

Особо интересно, что встречаемые по тексту Основного Закона термины «гражданин» и «каждый» употребляются как в единственном, так и во множественном числе, но вот термин «личность» почему-то всегда используется только в единственном числе. Нет и доли сомнения, что так был продемонстрирован особый характер взаимоотношений между личностью и государством, т.е. **индивидуализированный**. Как раз-таки из этого и исходит двусторонность их ответственности по отношению друг к другу. Получается, что во всех случаях без исключения подход к каждому всегда должен быть свой – индивидуальный, ведь каждая личность по-своему уникальна и представляет собой необычайную ценность для государства. Всё это необходимо сформулировать как ещё одно правило ограничения интересов личности и государства.

Колоссальный интерес вызывает структура исследуемой нормы ч. 1 ст. 23 Конституции. Так, дело обстоит в следующем: её структуризация основана на принципе распределения конституционных благ по их ценности. Ввиду этого, очерёдность вышеперечисленных благ случайной считать не стоит. Отчётливо видно, как презренно рассматриваемый перечень возглавляется именно государственными интересами, и только в конце содержится формулировка, лоббирующая интересы личности. Как видим, здесь налицо не то пёстрое заглавие, которое ознаменовало разд. II Конституции – «личность, общество, государство», но словно перевёрнутая с ног на голову дробь, диаметрально противоположная по смыслу фраза уже в виде «государство, общество, личность». Это может говорить нам о том, что постановка интересов личности в «центр Мира» всего – продекларированное Конституцией правило. В свою очередь, государство решает,

как его применять. И.И. Пляхимович заметил, что «конституционное право ведущих государств вступает на такую стадию, когда привычные принципы не могут приниматься без оговорок» [2, с. 6]. Согласимся, сформированные при «царе Горохе» устои должны попросту изживать себя из современных реалий.

Следует отметить, что норма ст. 23 белорусской Конституции – одна из немногих норм, имеющих прямое действие и подлежащих непосредственному применению. Следовательно, практическое значение того, как будет растолковано её содержание, очень велико, ведь от этого может зависеть судьба человека.

В ст. 23 Конституции Беларуси закреплены основы ограничения интересов личности. Пределы его осуществления установлены ст.ст. 24-27, 34, 63 и др. Говоря об ограничительных нормах, С.А. Горшкова особо отмечала, что нормы вводятся с исключительной «целью установления равновесия между правами отдельных граждан и интересами общества и государства в целом» [3, с. 83-84]. Следует отметить, что, в силу правила, прописанного в ч. 1. ст. 23 Основного Закона, ограничение интересов личности допустимо только в *исключительных случаях*, составляющих *исчерпывающий перечень*. Допускается ограничение интересов личности лишь в случае, предусмотренном «законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц» [4]. Это означает, что никакое иное *основание*, нежели здесь записанное, не может расцениваться как законное. В таком ключе справедливо пишет А.Н. Пугачёв: ограничение интересов личности следует расценивать как «исключительные меры, предусмотренные законом, и только в тех пределах, в каких это необходимо» [5, с. 221]. Согласимся с тем, что ограничение личности в интересах во всех случаях без исключения должно носить *исключительный характер*. Это означает, что отсутствуют другие варианты решения насущных проблем общества и (или) государства, т.е. способы не ограничить конституционные интересы личности должны попросту отсутствовать. Кроме того, не ограничив личность в её интересах, наступили бы и того куда более негативные последствия не только для государства и общества, но и личности, составляющей его. Исключительность достигается благодаря т.н. *презумпция большего вреда*. Думается, поэтому суды, приговаривая человека к смертной казни, озвучивают эту броскую фразу: «именем Республики Беларусь приговаривается к исключительной мере наказания». Тем самым государство иллюстрирует то, что иных способов сохранить устои белорусской государственности непоколебимыми просто нет.

Так что же совсем недавно было в Союзе, и от чего до сих пор не отказались мы? В.Д. Селеменев, В.И. Шимолин, изучая историю послевоенной жизни немцев на территории бывшего Союза, отмечали, что сведения о репрессированных немцах-агентах утаивались до той степени, что не имели «значения любые законы о рассекречивании в связи с истечением срока давности» [6, с. 21]. К глубочайшему сожалению, в современных реалиях приходится констатировать факт того, что пережитки советского прошлого о такой скрытой политике государства в отношении прав и свобод личности, миновав крах советского общества, весьма прочно укрепились в «головах» многих политиков стран бывшего Советского Союза. Печальным является осознание того, что такие государства существуют до сих пор. Не проявляя даже мизерной доли стремления к сохранению прав и свобод личности, они попросту пренебрегают такой великой ценностью всей истории существования человечества, ограничивая его в заслуженных временах правах и свободах. И так званный характер исключительности для них не знаком, его просто нет, а ограничение личности в её интересах – нормальное явление. Как отмечает Л.Ю. Грудцына, ни законодательная, ни исполнительная, ни судебная власть подобных государств попросту не ощущают себя связанными правами человека [7, с. 36], ввиду чего интересы личности уходят на периферию, создавая «вакантные» места для государства. В одной с нами колее высказался и П.П. Баранов, утверждающий, что государствам «ещё предстоит изжить традиции отношения к человеку как к подданному – зависимому и послушному исполнителю» [8, с. 115], несомненно, навязанные диктаторством прежних «царей».

Возвращаясь к вопросу об исключительности, следует пояснить немаловажный момент – характер применяемых *мер ограничения*. Напомним о том, что А.Н. Пугачёв отмечал высокое значение характера исключительности при избрании мер, направляемых на ограничение интересов отдельной личности. Ещё совсем недавно мы говорили о таком фундаментальном принципе взаимоотношений между личностью и государством как индивидуализированность. Увязывая её в едином узле с исключительностью, довольно просто объясняется то, какие конкретно меры ограничения должны применяться к конкретной личности. Досконально проанализировав сущность таких явлений, можно с достоверностью утверждать, что меры, направленные на ограничение интересов личности, должны соответствовать:

- во-первых, её правовому статусу, в чём реализуется принцип индивидуализированности;
- во-вторых, максимальной защите интересов государства при минимальном ущемлении личности.

В указанном втором пункте берёт истоки такая категория как *пределы ограничения* интересов. Не требующим доказывания является тезис о том, что всё имеет свои пределы. В юридической практике уже давно набушевавшим остаётся вопрос об определении пределов ограничения интересов личности. Дело в том, что пределы ставят «жирную точку» в процессе вторжения в сферу конституционных прав и свобод личности. Следовательно, они представляют особую значимость. Играя отграничительную роль, пределы ограничения интересов личности проводят параллель между законным и незаконным ущемлением прав и

свобод. Поэтому преимущественное место при определении пределов ограничения должны занимать вот такие факторы:

- продолжительность (чаще всего длящийся характер);
- меры (средства воздействия);
- цели (защита национальной безопасности и т.п.).

В том случае, если ограничение интересов личности осуществлялось никак не в соответствии с ч. 1 ст. 23 Основного Закона, применению подлежат т.н. правосстановительные положения. Согласно его ч. 3 ст. 59, непосредственно государственные органы, должностные и иные лица, которым было доверено исполнение государственных функций, должны нести ответственность за действия, нарушающие права и свободы личности. Личность должна «строить свое поведение в соответствии с требованиями Основного закона, блюсти общий интерес, исполнять свой долг, уважать права» [9, с. 44] других, а иначе – отвечать, о чём нам и говорит Н.И. Матузов. Однако же, это касается не только личности, но и самого государства. Учёный Б.С. Эбзеев утверждает [10, с. 60] то, что использованный в преамбуле Основного закона термин «ответственность» в данном случае составляет основу основ конституционного строя. Дело в том, что им определяется фундамент взаимоотношений между народом и государством, последнее из которых всегда должно обеспечивать охрану личности, её жизни и здоровья, имущества и прав.

Вышеперечисленные аспекты всегда должны быть учтены при ограничении интересов абсолютно любой личности. Тем не менее, реальная юридическая практика разворачивает картину в пол оборота. По этому поводу рассмотрим один парадоксально интересный и показательный пример.

На арене конфликта интересов выступают, с одной стороны, Telegram, который предоставляет для всеобщего пользования мессенджер, с другой – Российская Федерация, которая стремится склонить к своим «ногам» Telegram, понудив его предоставить доступ к сведениям о личностях-пользователях. На требование российского государства Telegram, мягко говоря, не обращает особого внимания. В попытке, направленной на сохранение своего самообладания, он, по факту, категорически отказывается исполнять российское законодательство. Конечно же, России это не нравится, в связи с чем, она пытается запретить на своей территории предоставление мессенджером своих услуг. В качестве альтернативы были и другие варианты – предоставить властям доступ к защитной системе Telegram. Естественно, последний никак не удовлетворён таким предложением, поэтому государство начало применять различного рода санкции. И было бы всё хорошо, если бы не одно «но»: довольно обширный слой граждан, оценили все достоинства онлайн-платформы и не желали терять возможность пользоваться ею. Вполне ясно, что для России такой приятнейший сюрприз был очень уж нежелан. Ведь, с одной стороны уже выступал не просто какой-то мессенджер, а недовольное политикой государства общество в лице чуть ли не каждого гражданина. Тут всем им нужно одно – сохранить ту самую возможность пользоваться Telegram. Российская Федерация, в таком случае, оказалась зажатой среди своего желания (интереса) получить доступ к Telegram, обеспечив при этом национальную безопасность, и довольно-таки негативным мнением общества о нём, всё больше желающим сохранить возможность пользования мессенджером (интерес).

Таким образом, мы видим, как противостоят интересы двух субъектов: личности и государства. В рамках законодательства России, Telegram должен представить для ФСБ информацию, необходимую для декодирования электронных сообщений. В свою очередь, данное обязательство должно реализовываться при защите положений, закреплённых в Конституции Российской Федерации, представляющей право на тайну переписки, частной жизни. Причём, необходимо решить вопрос таким образом, чтобы интересы не только государства, но и личности были удовлетворены. Практика показала, что в апреле 2018 года такой консенсус так и не был достигнут – государство всё-таки смогло понудить мессенджер предоставить ему необходимую информацию, а, следовательно, защитило сугубо свои интересы. Так ли должно было быть на самом деле? Очевидно – нет. Достигнув договорённости, можно разработать механизмы, при помощи которых будет раскрываться только та информация, которая содержит или может содержать сведения об угрозе национальной безопасности. Причём, это было бы выборочное предоставление сведений. В ту же очередь, при этом получилось бы сохранить тайну переписки большего числа личностей-пользователей с интересами их личной жизни. Один из вариантов – раскрывать сообщения, только в том случае, если они насыщаются такими терминами как «теракт», «бомба», «взрыв» и т.п. Думается, кроме этого, возможно и установление особого порядка истребования информации – исключительно по решению суда. В случае с данным вариантом, правоохранительные органы должны будут предоставлять организатору мессенджера сведения о событиях или действиях, создающих угрозу национальной безопасности государства, указав в т.ч. и то, в чём конкретно они выражаются, каким образом декодирование сможет помочь предотвратить имеющуюся угрозу.

Следует отметить, что ранее историй, подобных этой просто не было. Единственное, что приходит на ум, так это дело ФБР против компании Apple по вопросу о разблокировке iPhone после теракта в Сан-Бернардино. Так или иначе, принятия решения суда, которое бы оценило т.н. баланс интересов личности и государства, так и не произошло. И поэтому дело «Россия против Telegram» становится сегодня первой

глобальной историей подобного рода: оно является прецедентным, а его последствия – очень важными и для Российской Федерации, и для других стран, составлявших былой Союз, в т.ч. и Республики Беларусь. Ведь, белорусское государство всегда следует примеру своего «старшего брата». Расставив приоритеты в сторону интересов государства, всё больше будет порождаться неправильная практика правоприменения, коей и будут дальше следовать государства. Поэтому «ни завтра», а сегодня мы должны от неё отходить. Неспроста же Европейский Суд по правам человека в последнее время испытывает всё больший интерес к вопросам, связанным с интернетом и правовым регулированием сети.

Давайте попытаемся проанализировать эту ситуацию с точки зрения вышеописанных нами правил ограничения интересов личности. Начнём с того, что зададим себе весьма резонный вопрос: являлся этот случай исключительным? Небесспорный вопрос. Тем не менее – нам поясняет Н.С. Бондарь [11, с. 134] – государство при ограничении интересов личности может избирать принцип особой значимости интереса своего, однако, в отличие от первого, он призван обеспечивать устои обоих как условие их естественного существования, гарантировав удовлетворение интересов личности в её единичном и концентрированном выражении. Изучаемый пример, однако, несколько иную картину, где уже интересов личности, общества удовлетворено не было. Таким образом, защищались только интересы одного субъекта – государства, это означает, что принцип сбалансированности также не соблюдался. Любое правоотношение – говорит И.Н. Малынич – является устойчивым тогда, «когда сбалансировано его юридическое содержание – взаимные права и обязанности субъектов» [12, с. 98], что, к глубочайшему сожалению, на приведённом примере, не наблюдается. Был ли у личности и государства т.н. индивидуализированный характер взаимоотношений? С достоверностью можно говорить о том, что такого характера не было, как и не было «общения» между ними, которое бы позволило подыскать варианты, препятствующие необоснованному ущемлению прав и свобод личности. Ведь государственное управление должно выступать никак «не в качестве инструмента диктатора» [13, с. 125] – утверждает В.Н. Влазнев. Как неравноправный с личностью партнёр, оно ставит её в зависимое от себя положение, как бы реализуя презумпцию большего вреда на всеобщее благо. Нету здесь и пределов устанавливаемых ограничений. Опираясь на понятие национальная безопасность, «куют оковы» государственные структуры, абсолютно не сковывая себя пределами ограничения интересов этой личности. Государство избирает только меры, отнюдь, далеко не всегда соответствующие потребности и никак не отвечает за это ни перед своим обществом, ни каждой отдельной личностью, в него входящей.

Так, проведённое исследование показало, что конституционно-правовой баланс между интересами личности и государства на примере мессенджера Telegram объективно установлен не был. Всё это весьма ярко проиллюстрировало то, какие тенденции в практике правоприменения намечены многими странами постсоветского пространства. Видится, однако, для того, чтобы от неё отойти, потребуется ни один год.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / Под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. М.В. Баглая, д. ю. н., проф. Ю.И. Лейбо и д. ю. н., проф. Л.М. Энтина. – М.: Норма, 2004. – 832 с.
2. Пляхимович, И.И. Основы конституционного строя: теория института / И.И. Пляхимович; Белорусский государственный университет. – Минск: Право и экономика, 2008. – 160 с. – (Серия «Гуманитарные науки»)
3. Горшкова, С.А. Дерогация по Европейской конвенции и Россия // Московский журнал международного права. – 1999. – № 4. – С. 83-84.
4. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 11-е изд., стер. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – 64 с.
5. Пугачёв, А.Н. Конституционное право: учеб.-метод. комплекс для студентов специальности 1-24 01 02 «Правоведение». В 3 ч. Ч. 2. Основы конституционного строя и правового статуса личности. В 2 кн. Кн. 2. Рекомендации к практическим занятиям / А.Н. Пугачёв, И.В. Вегера. – Новополоцк: ПГУ, 2010. – 344 с.
6. Селеменов, В.Д. Тайна уголовного дела № 1603: Из истории совет. воен. разведки / В.Д. Селеменов, В.И. Шимолин. – Минск: Беларусь, 2004. – 110 с.: ил.
7. Грудцына, Л.Ю. Адвокатура, нотариат и другие институты гражданского общества в России: монография / под ред Н.А. Михалевой. – М.: Деловой двор, 2008. – 352 с.
8. Баранов, П.П. Институты гражданского общества в правовом пространстве современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. – 145 с.
9. Матузов, Н.И. Права человека и общерегулятивные правоотношения // Правоведение. – 1996. – № 3. – С. 41-48.
10. Эбзеев, Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности: монография. – М.: Норма, 2007. – 384 с.

11. Бондарь, Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации: монография. – М.: Юстицинформ, 2005. – 592 с.
12. Маланыч, И.Н. Анализ и оценка соотношения интересов личности, общества и государства при конституционном регулировании права граждан на информацию // Юридические записки. Вып. 17. Государственная власть в России: Проблемы осуществления и развития / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 2004. – 476 с.
13. Влазнев, В.Н. Гражданское общество как предмет конституционно-правового исследования: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 200 с.